УДК 316.42:316.44

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.2838

Володенков Сергей Владимирович,
доктор политических наук,
профессор кафедры государственной политики
факультета политологии Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва,
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Цифровая мобильность как феномен современного информационного общества

Статья посвящена анализу феномена цифровой мобильности в условиях становления современного сетевого информационного общества. В статье раскрывается потенциал Интернета как глобального сетевого пространства, а также современных информационно-коммуникационных технологий как инструмента формирования потенциала цифровой мобильности и управления ею. Показано, что эволюция цифровых технологий массовой коммуникации приводит к существенным изменениям в традиционных форматах осуществления общественно-политической активности. Выдвинута гипотеза о том, что цифровая мобильность становится следствием сформировавшихся цифровых моделей восприятия социально-политической реальности и соответствующих им моделей массового поведения, а также технологических компетенций, которыми обладают интернет-пользователи. Также автором выдвинуто предположение о том, что именно носители специфических онлайн-моделей мировосприятия и поведения могут выступать в качестве полноценных акторов, обладающих необходимыми компетенциями в сфере цифровой мобильности. При этом в работе обращено внимание не только на конструктивный потенциал цифровой мобильности, но также определены ключевые вызовы, которыми сопровождается технологическая трансформация современного общества, к которым автор относит проблему формирующегося цифрового неравенства, связанную с неравномерностью доступа к цифровым технологиям массовой коммуникации, а также рост манипулятивных возможностей управления цифровой мобильностью, который определяется развитием технологий сбора и анализа данных о персональной активности пользователей

в интернет-пространстве. Сделан вывод о необходимости разработки превентивных мер по предотвращению формирования глобального общества цифрового неравенства и разрушения ключевых демократических принципов организации и функционирования традиционного общества.

Ключевые слова:

сетевое общество, цифровая мобильность, интернет-пространство, массовое поведение, политический контроль, манипуляция массовым сознанием.

Традиционные представления о мобильности в своей основе предполагают наличие таких важнейших характеристик субъектов различных общественно-политических и социальных отношений, как способность и готовность оказаться в определенном месте в определенное время, совершить определенное действие в конкретный временной отрезок на конкретной территории. И чем менее затратны такого рода активности (включая не только материальную составляющую, но и временной ресурс, а также способность и готовность субъекта к выполнению тех или иных действий в определенный промежуток времени на конкретной территории), тем, по сути, о большем потенциале мобильности мы можем говорить.

В условиях формирования такого глобального коммуникационного пространства, как Интернет, характеризующегося глубоким проникновением цифровых технологий в большинство сфер жизнедеятельности государства и общества параллельно с интенсивным развитием средств мобильной коммуникации, традиционные представления о структурных и содержательных компонентах мобильности, на наш взгляд, подлежат пересмотру.

Как пишет Д. Белл, внедрение и эволюция технологий передачи и обработки информации позволяет говорить о том, что «постиндустриальное общество – это новый принцип социально-технической организации жизни» [Белл, 2004, с. 109], для которой характерно экспоненциальное увеличение объема и роли информации, а также существенное возрастание значения цифровых информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

В свою очередь, с позиции М. Кастельса современная социальная структура общества все в большей мере становится

сетевой. При этом ключевой характеристикой такого сетевого общества становится не столько доминирование информации, сколько изменения в направлениях ее использования. Как итог – определяющую роль в жизни человека начинают играть современные сетевые информационные структуры, включая глобальные [Castells, 2010; Rheingold, 2012].

Рассматривая Интернет как самостоятельное онтологическое пространство, мы можем не только констатировать ставшее распространенным представление о нем как «пространстве без границ», но и пойти дальше, говоря об Интернете как пространстве «без расстояний и протяженности».

Современная цифровая среда становится самостоятельным пространством бытия. При этом такие традиционные пространственные характеристики, как расстояние, границы, удаленность, протяженность и т. д. уже не могут быть использованы для его описания.

В итоге, по нашему мнению, такие ключевые компоненты мобильности, как способность и готовность оказаться в определенном месте в оптимальные сроки при минимуме затрат в условиях экстерриториальности Интернета становятся неактуальными, так как понятия расстояния и протяженности в цифровой среде становятся весьма условными.

Кроме того, сами «территории» также оказываются условным атрибутом цифрового пространства. Скорее, конкретные интернет-площадки становятся теми «цифровыми территориями», в рамках которых осуществляются различные виды деятельности, не требующие физического присутствия участников и позволяющие проявлять свою активность исключительно на уровне цифровых аккаунтов.

Так, например, такой распространенный формат активности, как онлайн-флэшмобы, позволяет эффективно и оперативно мобилизовать в рамках конкретной «цифровой территории» значительное число не обладающих традиционными признаками мобильности участников, независимо от их реального нахождения [Володенков, Федорченко, 2015].

Сбор подписей под петициями на специализированных сайтах (например, change.org) обеспечивает возможность цифровой агрегации и артикуляции общественно-политических интересов различных групп населения, включая молодежь.

Ресурсы, необходимые для того, чтобы своевременно оказаться в нужной точке пространства, становятся незначи-

тельными, а сама способность принять участие в том или ином процессе или событии переходит в разряд сугубо технологических компетенций [Володенков, 2011].

Необходимо также выделить в качестве весьма важного атрибута Интернета как самостоятельного пространства наличие собственной информационной повестки дня, которая зачастую существенно различается с традиционной «оффлайновой» информационной повесткой.

В результате значительных различий между «оффлайновой» и «онлайновой» информационными повестками и, соответственно, дифференциации информационных потоков в аспекте их содержательных характеристик мы можем говорить о таком неминуемом следствии подобного положения дел, как различиях в моделях восприятия социально-политической реальности пользователями традиционных средств массовой информации и пользователями интернет-ресурсов.

Различия в повестке дня, различия в оценке и интерпретации событий, попавших в фокус общественного внимания, различия в оценке степени важности таких событий неминуемо приводят к появлению серьезных расхождений между «оффлайновыми» и «онлайновыми» моделями восприятия социально-политической реальности (на самом деле, мы можем говорить и о различиях в соответствующих моделях массового поведения, формирующихся на основе информационных потоков).

По сути, традиционный «конфликт поколений» приобретает свое новое звучание и актуализируется в разрезе различий в способах получения общественно значимой информации, так как каждый способ получения необходимой информации обусловлен соответствующими типами коммуникационных каналов, а также особенностями транслируемого контента, о чем мы упоминали выше.

В результате мы можем констатировать, что феномен цифровой мобильности не может быть распространен на все население мира или конкретной страны, но лишь на активных интернет-пользователей, для которых цифровая мобильность становится следствием сформировавшихся моделей восприятия социально-политической реальности и соответствующих им моделей массового поведения, а также технологических компетенций, которыми обладают интернет-пользователи.

Иными словами, мы можем позволить себе выдвинуть предположение о том, что преимущественно именно носители

специфических онлайн-моделей мировосприятия и поведения могут выступать в качестве полноценных акторов, обладающих необходимыми компетенциями в сфере цифровой мобильности.

Также, на наш взгляд, ведя разговор о цифровой мобильности, необходимо упомянуть такой современный феномен, как «smart crowd». В отличие от традиционной массы, представляющей изначально совокупность изолированных друг от друга индивидов, понятие массы в интернет-пространстве, особенно в пространстве социальных медиа, начинает терять свое смысловое значение ввиду того, что большинство интернет-пользователей структурированы на уровне горизонтальных коммуникаций в форматах различных сетевых сообществ, в которых каждый пользователь уже не является изолированным от других актором. Более того, наличие современных «умных» мобильных устройств связи (smartphones) позволяет не только эффективно мобилизовать интернет-пользователей для участия в различных общественно-политических мероприятиях и событиях, но и оперативно осуществлять координацию каждого владельца «умного» устройства, поддерживая с ним оперативное информационно-коммуникационное взаимодействие [Rheingold, 2002; Rheingold, 2012].

По сути, возможности хорошо структурированной в информационном и коммуникационном аспектах массы, способной к оперативному взаимодействию в любой момент времени, имеющей возможности поддерживать контакт независимо от официальных каналов коммуникации даже в условиях отключения Интернета и мобильной связи, позволяют нам выделить самостоятельный феномен «smart crowd». Рассматривая в подобном ракурсе потенциал интернет-пользователей в офлайн-пространстве, мы можем констатировать появление новых возможностей для коллективных действий независимо от территории осуществления того или иного мероприятия или акции [Быльева, Лобатюк, 2017].

Безусловно, существуют и иные возможности цифровой мобильности, требующие своего осмысления учеными-политологами. В связи с этим нам представляется крайне важным и необходимым исследование феномена цифровой мобильности в рамках современной политической науки.

При этом нельзя не отметить и новые вызовы, относящиеся к формированию феномена цифровой мобильности.

Одним из подобных вызовов является, по нашему мнению, проблема цифрового неравенства, в рамках которой но-

вые формы цифровой коммуникации и непосредственно сами цифровые ресурсы распределяются неравномерно и становятся доступны лишь определенной части общества. Так, Л. Манович выделяет в своей работе 3 «дата-класса» [Manovich, 2016]. Данные «классы» дифференцированы между собой как по уровню доступа к цифровой информации и технологиям ее получения, так и по уровню компетенций использования цифровых данных.

Очевидно, что в подобных условиях мы можем говорить о появлении нового вызова в аспекте формирования глобального общества цифрового неравенства, в рамках которого потенциал современных технологических трансформаций (включая потенциал цифровой мобильности) распределяется неравномерно.

Действительно, скорость Интернета, стоимость доступа к нему, зона покрытия беспроводных сетей могут варьироваться от территории к территории в достаточно широком диапазоне. Помимо этого, сам доступ к цифровым ресурсам может быть ограничен по признаку территориальной принадлежности. Стоимость «умных» цифровых устройств, позволяющих использовать потенциал современных информационно-коммуникационных технологий, также может оказаться серьезным препятствием для многих групп потенциальных пользователей, в первую очередь – представителей молодежи, не имеющих достаточных материальных ресурсов и проживающих на территориях с низким уровнем социально-экономического развития. Безусловно, серьезным фактором цифрового неравенства может выступать и выступает различный уровень компетенций в использовании «умных» устройств и современных цифровых технологий коммуникации, при том что смартфон начинает принимать на себя роль центрального проводника среди множества устройств с более широкими возможностями цифрового опыта.

Еще одним вызовом для современного общества может являться манипулятивное управление процессами цифровой мобильности. Очевидно, что так называемые «цифровые следы» интернет-пользователей позволяют с высокой степенью детализации описывать их базовые паттерны в различных областях жизнедеятельности, что формирует серьезный потенциал управления активностью (включая и цифровую мобильность) значительной частью населения технологически развитых государств в весьма широких масштабах. Дозирование информации, формирование индивидуальных «информационных капсул» на основе персонализации получаемых пользователем

цифровых данных позволяет существенно смещать массовые представления различных групп пользователей, влиять на содержательные характеристики их моделей поведения, создавать соответствующие цифровые архитектуры выбора, в рамках которых индивид, субъективно не ощущая каких либо ограничений в своем выборе, проявляет свою активность в необходимом акторам манипулятивного воздействия (как правило, обладающим широким доступом к сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуре, а также соответствующими компетенциями в сфере управления массовым сознанием и поведением) направлении. «Умные» устройства, а также сетевые ресурсы становятся не только инструментами повышения цифровой мобильности, но и источником сбора данных о цифровой активности пользователей, позволяя таким образом контролировать их поведение как в онлайн-, так и в оффлайн-пространстве, управлять цифровым дизайном массового поведения, что ярко продемонстрировали выборы Президента США в 2016 году, в рамках которых активно использовались технологии Big Data, позволившие не только изучить психологические профили десятков миллионов американцев, но и реализовать цифровые проекты по управлению их электоральным поведением (так, например, в ходе реализации проекта Vote Supression осуществлялось управление электоральной активностью конкретных групп избирателей, подавлялась электоральная мобильность). В данном случае речь идет о возможности формирования в интересах политических акторов индивидуальных ценностно-смысловых «капсул», выстраивании персональных информационных лент, а также «маршрутов» пользователей в Интернет-пространстве на основе использования личных данных тех людей, которые оставляют свои «цифровые следы» в Сети, в результате чего формируется необходимая модель политического поведения.

Данный потенциал манипуляции, контроля и управления массовым поведением наиболее ярко описал экс-директор Google Эрик Шмидт, публично заявивший о том, что «мы не нуждаемся в том, чтобы вы нажимали на все клавиши в вашем компьютере. Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чём вы думаете. Мне кажется, что большинство людей не хотят, чтобы Google отвечал на их вопросы; им хочется, чтобы он указал им, что они должны делать... Мы знаем всё, что вы делаете, и правительство может за вами наблюдать. Мы узнаем, где вы находитесь в районе

50 см, и мы сократим это расстояние до нескольких сантиметров... Вы никогда не бываете одни...» [Watson, Jones, 2013].

В связи с обозначенными вызовами нам представляется важной разработка превентивных мер по предотвращению формирования глобального общества цифрового неравенства, в рамках которого доминирование лишь незначительного числа ведущих акторов (обладающих потенциалом влияния на цифровое поведение населения, необходимой информационно-коммуникационной инфраструктурой и соответствующими компетенциями, недоступными для широкого круга организаций, институтов и групп), может привести к установлению режима глобальной цифровой диктатуры, характеризующейся манипулятивным управлением массовым поведением и разрушением ключевым демократических принципов организации и функционирования традиционного общества в мировых масштабах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 788 с.

Быльева Д.С., Лобатюк В.В. 2017. Смартмоб: социально-философский анализ // Науч. – тех. ведомости Санкт-Петербург. гос. политех. ун-та. Гуманит. и обществ. науки. Т. 8, № 4. С. 96–107.

Володенков С.В. 2011. Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 7, № 4. С. 159–167.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. 2015. Флэшмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та: (электрон. журн.). № 3. 18 с. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/695> (дата обращения: 05.10.2018).

Castells M. 2010. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: The Wiley–Blackwell. 656 p.

Manovich L. 2016. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics [Электронный ресурс]. 14 p. URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf (дата обращения: 23.09.2018).

Rheingold H. 2002. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. New York: Basic Books. 266 p.

Rheingold H. 2012. *Net Smart: How to Thrive Online*. Cambridge: The MIT Press. 336 p.

Watson P.J., Jones A. 2013. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution [Электронный ресурс], May 13. URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/> (дата обращения: 05.10.2018).

References

Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Moscow, Academia, 2004, 788 p. (in Russ.).

Byl'eva D.S., Lobatyuk V.V. Smartmob: sotsial'no-filosofskiy analiz [Smartmob: a socio-philosophical analysis], Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 96–107. (in Russ.).

Castells M. *The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture*, Oxford, The Wiley–Blackwell, 2010, 656 p.

Manovich L. *The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*, 2016, 14 p., available at: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf (accessed September 23, 2018).

Rheingold H. *Net Smart: How to Thrive Online*, Cambridge, The MIT Press, 2012, 336 p.

Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*, New York, Basic Books, 2002, 266 p.

Volodenkov S.V. Informatsionno-kommunikatsionnaya revolyutsiya i ee vliyanie na sovremennyy politicheskii protsess [Information and communication revolution and its impact on the modern political process], Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 159–167. (in Russ.).

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Fleshmob kak setevaya tekhnologiya sovremennogo politicheskogo menedzhmenta (na primere Rossii i SShA) [Flash mob as network technology of modern political management (on the example

of Russia and the United States)], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: (elektronnyy zhurnal), 2015, no. 3, 18 p., available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/695> (accessed October 05, 2018). (in Russ.).

Watson P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution, May 13, 2013, available at: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/> (accessed October 05, 2018).

Sergey V. Volodenkov,

Doctor of Political Sciences,

Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science,

Lomonosov Moscow State University,

Moscow,

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Digital Mobility as a Phenomenon of the Contemporary Information Society

Abstract

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of digital mobility in the conditions of a contemporary networked information society formation. The article reveals the potential of the Internet as a global network space, as well as modern information and communication technologies as a tool for building and managing the potential of digital mobility. It is shown that the evolution of digital technologies of mass communication leads to significant changes in the traditional formats of social and political activity. It has been hypothesized that digital mobility is the result of established digital models of perception of the social-political reality and their corresponding models of mass behavior, as well as technological competencies that Internet users possess. The author also suggested that it is the carriers of specific online models of world perception and behavior that can act as full-fledged actors with the necessary competencies in the field of digital mobility. At the same time, the work draws attention not only to the constructive potential of digital mobility, but also identifies key challenges that accompany the technological transformation of contemporary society, to which the author relates the emerging digital inequality problem associated with uneven access to digital mass communication technologies, as well as growth manipulative capabilities of digital mobility man-

agement, which is determined by the development of technologies for collecting and analyzing data on personal activity in the Internet space. It is concluded that it is necessary to develop preventive measures to preclude the formation of a global society of digital inequality and the destruction of key democratic principles of the organization and functioning of a traditional society.

Keywords:

network society, digital mobility, Internet space, mass behavior, political control, mass consciousness manipulation